

ПОД ПРИЦЕЛОМ

Текст: Любовь ПАВЛОВА

В середине сентября 1942 года, в самые тяжелые для защитников Ленинграда дни, из советских траншей гремела медь духового оркестра. На юго-западных окраинах города, где 14-й Краснознаменный мотострелковый полк 21-й стрелковой дивизии войск НКВД остановил фашистские полчища, нейтральная полоса сужалась до броска гранаты. От революционных маршей гитлеровцы приходили в бешенство. На великолепные музыкальные инструменты полкового оркестра они не жалели ни снарядов, ни мин. А однажды попытались стрелять в упор, прямой наводкой. Но обожглись о снайперский огонь.

На фронт Мария Митрофанова, коренная ленинградка, пошла добровольно, приписав себе недостающие годы. В осажденном городе на Неве у нее остались мать и трое сестер. Отважную девушку с санитарной сумкой на плече можно было видеть в гуще самых ожесточенных боев, она бесстрашно делала перевязки раненым под обстрелами.

В первые осенние дни 1941 года 14-й полк, где служила сандружинница Мария Митрофанова, занял участок обороны по юго-восточной окраине Урицка от Финского залива до Балтийской железной дороги. 3 сентября в сражениях на южных подступах к Ленинграду юная медсестра была ранена, но продолжала оказывать помощь истекающим кровью бойцам. Сама она оказалась в госпитале лишь после того, как силы окончательно покинули ее. Да и там думала только об одном: нужно выписаться как можно скорее, чтобы снова быть среди огня и дыма, на фронте, где она нужна другим.

Позиции 14-го полка были крайне невыгодными. В окопах у побережья Финского залива постоянно стояла вода, юго-восточнее Урицка вдоль маленькой речки Дудергофки до станции Лигово обустраиваться приходилось на скользкой глинистой почве. До окопов противника здесь было не более 100 метров. Но на этом рубеже 21-я дивизия, действуя совместно с 6-й отдельной морской бригадой, остановила врага, покорившего всю Европу.

Фашисты сосредоточили на этом рубеже свыше 12 тысяч человек, у Петергофского шоссе были установлены противотанковые

пушки, вдоль побережья Финского залива стоял истребительно-противотанковый дивизион.

В бою за Урицк Мария Митрофанова сумела оказать помощь 20 раненым бойцам под сильным огнем противника. Осколок снаряда срезал ей часть губы. Отлежавшись в дивизионном медсанбате, Мария наотрез отказалась ехать в Москву на пластическую операцию: «Некогда сейчас по тылам таскаться! Мое место — на фронте, себе «ремонт» сделаю после войны». Врачи зашили рану, к вечеру девушка снова была на передовой. Злость на фашистов придавала сил. А они были нужны, ведь после отправки раненых в госпиталь Митрофанова уходила на «охоту» за врагами.

К снайперскому движению Ленинградского фронта она примкнула вместе со своим полком, оттачивая мастерство под

Медсанбат 13-й дивизии народного ополчения, где начинала службу Мария Митрофанова

Мария Митрофанова. 1941 год

Госпиталь на передовой Ленинградского фронта

Танкист Дмитрий Митрофанов, брат Марии Степановны.
Ленинградский фронт, 1941 год

руководством Евгения Николаева. Встретив как-то этого известного снайпера, Мария попросила научить ее «охотиться». Она оказалась способной ученицей — уже через несколько дней метко била по мишеням. А уже в первой вылазке на нейтральную полосу от ее руки погибли двое гитлеровцев.

Евгений учил подопечную: «Экономь патроны, будь хладнокровнее, бей наверняка. Чувствуешь, что не попадешь, — не стреляй, следующего выстрела можешь не сделать». Воспитывал в ней терпение и выдержку: «Не торопись! Бери на прицел не солдата, жди командира — в этом заключается главная задача снайпера». Вместе с Николаевым Митрофанова уничтожила шестнадцать фашистов и затем ходила на «охоту» уже самостоятельно, прекрасно зная цену снайперскому выстрелу.

8 апреля 1942 года Военным советом Ленинградского фронта Мария Митрофанова была награждена медалью «За отвагу».

Спустя несколько месяцев 14-й полк принимал участие в Старо-Пановской операции. В дни немецкого контрнаступления раненых было очень много и сандружинницы без отдыха ползком прокладывали путь в высокой траве совхозных полей к истекающим кровью бойцам, делали десятки перевязок, спасая чьи-то жизни и не ожидая за это наград.

После Победы Мария Митрофанова жила в Ленинграде. В родном городе вышла замуж за Михаила Барскова, уже под новой фамилией вела большую военно-патри-

Однополчане. Ленинград, 1977 год

тическую работу, рассказывала о войне студентам и школьникам. Была ответственным секретарем совета ветеранов 21-й (109-й) Ленинградской Краснознаменной стрелковой дивизии.

Она разыскала около полутора тысяч военнослужащих прославленного соединения, собрав уникальный фронтовой архив: фотографии, письма, документы, поименный список и автобиографии ветеранов 21-й (109-й) дивизии. Оказывая помощь солдатам-победителям и их семьям после войны, долгие годы Мария Степановна сотрудничала с ветеранскими организациями, обращалась за решением проблем сослуживцев к руководству погранвойск. Помогала сохранению памяти о подвигах советских бойцов, принимая участие в подготовке материалов для журналов и газет.

Ее квартира напоминала музей боевой славы: сотни книг, десятки фотографий на стенах, карты, схемы — и все это о войне, о блокаде. Письма приходили Марии Барсковой со всего Советского Союза, а позже — из образованных на его территории независимых государств. Правда, с годами их становилось все меньше... Как и отважных бойцов — участников Великой Отечественной войны.

До последнего вздоха Мария Барскова была верна боевому братству, берегла его традиции и славу, историю родной страны и имена ее защитников. В Бессмертном полку незабываемых героев она по праву шагает в первых рядах. ВГ

Встреча боевых друзей. Михаил Барсков (справа) и Николай Руденко. Ленинград, 1981 год

Встреча ветеранов 21-й (109-й) стрелковой дивизии. Пулковские высоты, 1990 год

В ОТВЕТЕ ЗА СТРАНУ

Текст: Елена САВЕЛЬЕВА

Фото из личного архива

Семёна КУЛИКОВА

Во время Великой Отечественной войны Семён КУЛИКОВ не был на передовой. Но защищал не менее ответственный рубеж — границу Советского Союза с Турцией, где успешно выдержал экзамен на преданность Отчизне. Сегодня в родной Перми Семёна Петровича знает каждый, кому довелось носить зеленую фуражку, — по жизни он идет с завидным оптимизмом. Огненные годы закалили характер.

ДОРАСТИ ДО ФРОНТА

Календарь отсчитывал дни октября 1943 года.

— Э, малой, да тебе опять не хватает до полутора метров... — вздыхали, глядя на Сёму, члены призывной комиссии.

Семнадцать пареньку уже исполнилось, а вот росту не случилось. Да и откуда ему взяться при небогатой-то жизни да нелегкой колхозной работе во время войны?! Но ведь это не повод не рваться на фронт!

Спустя две недели Семён вновь предстал перед комиссией. Не полагаясь более на милость природы, чуть-чуть приподнялся на носках... и услышал заветное:

— Смотри-ка, подрост! Сто сорок девять с половиной! Вот теперь можно и призвать тебя!

Семён летел домой, будто на крыльях. Но родителей новость, конечно, расстроила. Отец даже всплакнул — старшего забрали на войну, теперь вот средний уедет, а дома мать с малышами — все есть хотят. Грустными были проводы...

Призывников со всех окрестностей собрали в Кылосово, что под Кунгуром. Бегать, стрелять, окапываться — освоение воинских премудростей требовало времени. Учеба растянулась на полгода ожидания: когда же на фронт?! В стрельбе деревенский паренек Сёма Куликов показал отличные результаты и в мечтах уже видел себя снайпером на передовой.

ОТ КУНГУРА ДО КАВКАЗА

И вот наконец 700 человек разместились по теплушкам, в два ряда на нарах: сами сколотили — самим и спать! Стоял апрель, но темно еще рано. И в густых весенних сумерках так хо-

рошо было болтать обо всем на свете и, задремав, смотреть сны про мирное время...

В Москве не задержались. Едва успели поесть, как снова колеса поезда начали мерный перестук. Что же дальше?

Сталинград!

Дома, измолоченные в крошку, смешались с дорогой и хрустят под ногами грязно-желтыми осколками кирпича. Осколки побольше — от снарядов и мин, перемешанные с гильзами от патронов, возвышаются то там, то здесь небольшими железно-рваными холмами. Улицы Сталинграда немного расчистили, и Семён с друзьями — Сашкой и Андреем — шагают по окраине города. Совсем рядом крутятся по полям трактора, вспахивают землю, тысячи раз перекопанную взрывами и утрамбованную танками.

Всего на несколько часов остановились в Сталинграде, зато к каше каждому дали по кусочку селедки.

А потом поезд снова побежал по рельсам, замелькали за окнами деревни, леса...

Остановка посреди поля — привычное уже дело.

— Машинист, дай кипяточку!

Нужно не мешкая, пока не прозвучал сигнал к отправке, заварить из брикета рисовую кашу. Уже и перекасти-поле насобирали, и брикет размяли, а машинист качает головой:

— Ребята, вода ж техническая, грязная!

Да только что толку с голодными спорить. Махнул рукой, отпустил кипятку.

А парни и рады. Разожгли полевой сухостой — варись, каша, пустая, несытная.

Вдруг разнесся над полем протяжный гудок. Поспешили бойцы обратно в теплушки. Сырой доедали пресную кашу...

Уже и Дон проехали — расцветает Кубань за окном. Вторая неделя дороги кончилась, третья застучала по рельсам Северного Кавказа и принесла долгожданную информацию:

— Везем вас на границу, — сказал сопровождающий. — На заставах людей совсем мало осталось, а у турок миллионная армия в полной боеготовности!

Семён опешил — слова не мог вымолвить. Столько лет стремился на фронт — а теперь на турок смотреть?! Эх...

РАЗГОВОР С КАМНЕМ

На крохотной заставе в 18 километрах от Ленинановобранцам обрадовались. Шутка ли — было восемь человек, а стало 15, а потом и 50!

Первый месяц в Армении Куликов отъедался. Супа, густого, ароматного, давали в день по два черпака, каши — полную тарелку. Сахарного песку — аж 900 граммов каждому в месяц! Хлеба — сколько хочешь! Растущий организм осваивался на новом месте быстро и с удовольствием. Росточку Семён не прибавил, зато силенок стало намного больше. Да и знания здесь давали нужные: как контрольно-следовую полосу проверять, как следы определять, как «секреты» организовывать.

И потянулись будни — плотные, как горный туман, мягкие с виду, да опасные изнутри. Прогерманская позиция Турции, не потратившей силы в войне, как другие страны, официально изменилась. А по сути как была враждебной, так и осталась. Нарушители — они ведь заранее объявлять о своих планах не станут. Начеку надо быть каждый миг.

Тропы, тропы, тропы... На границе — как на фронте. Только на фронте ты видишь противника, можешь отклониться, окопаться, а на границе никогда не знаешь, кто за следующим камнем. «Так, а камень-то со вчерашнего дня форму изменил», — отмечает про себя Семён. И дает

два удара по подсымку. «Камень» вторит условному сигналу — свой! Обход продолжается. На границе что день, что ночь, что ливень, что зной — ты один за всю страну в ответе.

ДОРОЖЕ СЕРЕБРА И ЗЛАТА

В 1945 году у местных нашли две винтовки и пушку 45-го калибра. Ответом на эти, возможно, турецкие «подарки» стало усиление контроля на приграничной территории.

Направленный в «секрет» Куликов укрылся в неприемной яме в километре от заставы. И вскоре прямо на него вышли двое незваных гостей — двигались они уверенно, явно знакомым маршрутом.

— Стой! Кто идет? — окликнул путников Семён.

— Откуда ты взялся?! — всполошились они. — Не было тебя!

— В яме лежал, — честно ответил Куликов и повел курдов на заставу.

Те, конечно, идти не хотели, угрожали, деньги сулили немалые... Да только для советского пограничника, пусть юного и совсем не богатого, безопасность Отчизны была дороже всего.

ПОВТОРЕНИЕ — МАТЬ УЧЕНИЯ

Как судьба сложится, угадать невозможно. Учили Куликова на снайпера, а стал он наводчиком станкового пулемета, заместителем командира орудия. Присвоили звание младшего сержанта, затем — сержанта. Позже назначили командиром пулеметного отделения.

В отделении — 10 человек. Разбирать и собирать орудие должен каждый. Учеба была непростой: поначалу и ленту пулеметную правильно набить не у всех получалось. Но Семён упорно тренировал изо дня в день своих пулеметчиков. И добился-таки того, что отделение четко и слаженно действовало в любой ситуации.

ДОМОЙ!

В очередной раз сменила ноябрьская прохлада разноцветное армянское лето... И услышал Семён Куликов на вечерней поверке приказ о своей демобилизации.

Семь лет службы уместились в одном вещмешке. Распахнул перед сержантом свою тяжелую дверь плацкартный вагон — можно чай пить да расслабляться. И все бы хорошо, да только в Харькове отстал Семён от ереванского поезда — вышел телеграмму сослуживцу в Москву отбить, чтобы встретил, да остался на платформе в гимнастерке, брюках и фуражке.

Добрые люди утешили:

— Ничего, скоро сочинский состав пойдет, на нем тоже до Москвы добраться можно.

Прибыл сочинский поезд — Куликов к нему, сразу в третий — солдатский вагон.

— Ты куда это? — заприметил его проводник.

— К другу, — не растерялся Семён, — едет он тут, проведать хочу.

— Иди, — махнул рукой проводник. — Да смотри, десять минут всего стоим!

Кивнул Куликов — и в вагон:

— Выручайте, братцы! Отстал от поезда!

— Лезь на третью полку, — смеются солдаты. — Раздевайся и ложись.

Семён только сапоги скинул — и шнурь наверх! Фуражку снял, подальше к стеночке убрал.

Идет проводник по вагону — нет чужих. Только плечами пожал. Встретились уже в Москве, на Курском вокзале.

Разыскал Куликов в столице свои вещи, а с приятелем так и не увиделся — тот ждал его с ереванского поезда... Вроде на одном вокзале были, а как найтись в толпе без телефона? Так и уехал Семён в Пермь.

Дома не застал в живых ни отца, ни матери, ни старшего брата, погибшего под Ленинградом... Но горевать некогда было: ждали помощи младшие, он у них один кормилец остался. А образования-то у него к 24 годам — четыре класса.

Семён взялся за обустройство мирной жизни решительно. Работал на заводе имени Ф.Э. Дзержинского: пришел учеником шлифовщика и трудился впоследствии на разных должностях полвека, был парторгом 9-го цеха. Но это уже совсем другая история...

РОМАН ИЗ ПРОЖИТЫХ ЛЕТ

Текст: Елена КАНДЫБКО

Фото из личного архива

Эли ВАЙНБЕРГА

Вокруг нас тысячи возможностей и десятки вариантов для их реализации. И обстоятельства, заставляющие принимать то или иное решение, становятся оправданием бездействия для слабых и проверкой выносливости для сильных. В их преодолении проявляются сила воли, мужество и упорство — закаляя характер, человек сам создает судьбу. Эля ВАЙНБЕРГ, ветеран Великой Отечественной войны, полковник в отставке, убедился в этом, пройдя через множество испытаний. Наградой за верный выбор для него не раз была сама жизнь.

Ветеран, перешагнувший в нынешнем году 95-летний рубеж, не понаслышке знает о принятии ответственных решений. С 1967-го по 1977-й, когда он командовал сначала Нерзаводским, а затем Приаргунским пограничными отрядами. От него зависела надежность рубежей огромной страны.

ПОКОРЕНИЕ СИБИРИ

В 1967 году было принято решение о формировании в Забайкалье, на территории поселка Нерчинский Завод Читинской области, нового пограничного отряда. Возглавить его предложили 43-летнему подполковнику Вайнбергу. Кандидатуру Эли

Ариевича, в то время начальника штаба Кяхтинского отряда, утвердили на коллегии КГБ под председательством В.Е. Семичастного.

Взявшись за порученное дело с решительностью и энтузиазмом, Эля Вайнберг даже не представлял, какие неимоверные трудности ему предстояло преодолеть в ближайшее время, но твердо верил в свои силы и не боялся ответственности. Огромный опыт службы научил его правильной организации труда и умению четко выстраивать отношения с подчиненными.

Прибытия в Нерчинский Завод ожидали полторы тысячи человек с техникой и вооружением, так что строительство отряда началось с оборудования палаточного городка, двух щитовых казарм, столовой и двух 16-квартирных домов. Местные власти передали пограничникам полуразрушенные здания интерната, где после ремонта разместились штаб, санчасть, склады. Там же поселились офицеры с семьями. Бывшее здание комендатуры было переоборудовано в общежитие.

Через полгода новому подразделению передали 600-километровый участок государственной границы и строительную роту Даурского пограничного отряда: предстояло в кратчайшие сроки оборудовать на советско-китайском рубеже десять новых застав.

Между тем в Нерзаводский отряд прибывало пополнение из Западного, Северо-Западного и Закавказского округов. Офицеры управления размещались на двухъярусных кроватях в общежитии, а прибывшие с семьями вынуждены были снимать жилье за свой счет в поселке. Поступали техника и вооружение. Шла тяжелая, кропотливая работа по формированию отряда и его подразделений. В таких условиях было трудно обеспечивать четкое выполнение распорядка дня. Однако все задачи постепенно решались — во многом благодаря тому, что между офицерами управления отряда царил полное взаимопонимание, позволявшее им работать как единое целое. Сегодня Эля Ариевич с благодарностью вспоминает подполковника Макарова, майоров Ковалева, Самокиша и Клепикова, являвших собой пример добросовестного и ответственного отношения к порученному делу.

В конце 1967 года в Нерзаводский отряд, переданный к тому времени из Дальневосточного в Забайкальский пограничный округ, прибыла комиссия во главе с генерал-лейтенантом В.А. Матросовым. Выявленные ею недостатки были устранены в кратчайшие сроки, и отряд, признанный готовым к охране советских рубежей, начал свою историю.

Со временем место палаточного городка заняли плац и спортплощадка. А одну из щитовых казарм переоборудовали в клуб, где проходили киносеансы и концерты приглашенных артистов. В целях воспитания личного состава в отряде была создана аллея Героев-пограничников. Заставам в поселках Заргол и Булдуруй присвоили имена отличившихся в борьбе с японцами Виталия Козлова и Якова Перфишина, в казармах

установили их бюсты. В сложнейшей обстановке, складывавшейся на участке отряда, образцы для подражания были необходимы.

Китайцы, претендовавшие на ряд советских островов, расположенных на реке Аргунь, все чаще провоцировали конфликты. Поэтому нарядам помимо внимания и бдительности следовало проявлять выдержку и уравновешенность.

Сотни километров границы здесь пролегали по тайге. Бездорожье и сильнейшие, до –45 градусов, морозы требовали от людей колоссальной выносливости. До некоторых застав можно было добраться только по Аргуни: летом — на катере, зимой — по льду.

В условиях отсутствия инженерно-технических средств приходилось обращаться за помощью к местным жителям. Потомки забайкальских казаков в составе добровольных народных дружин охотно помогали пограничникам, но все же их было немного — организовать более плотное прикрытие просто не позволяла численность населения.

Приходилось ежеминутно быть начеку. Так, в 1968 году отряд получил данные о подготовке серьезной провокации в районе заставы «Старый Цурухайтуй». Подполковник Вайнберг лично возглавил выдвинутый к месту предполагаемого нарушения границы резерв и организовал усиленное наблюдение за сопредельной стороной. Утром толпа китайцев, среди которых были замечены военные, с плакатами и оскорбительными выкриками направилась в сторону советской территории, но, увидев пограничников в полной боеготовности, отказалась от своих намерений. Провокация была сорвана.

Обстановка диктовала условия неусыпного контроля боевой подготовки личного состава, кадрового и технического усиления застав. На охрану границы выходили наряды численностью не менее трех человек. Были проведены дополнительные инженерно-технические мероприятия, в том числе установка электрозаграждений. В ночное время местность освещалась прожекторными постами. На заставах были оборудованы опорные пункты, а на Приаргунском направлении — целый укрепрайон, где находились подразделения Советской армии.

Весомый вклад командования Нерзаводского отряда в организацию охраны советско-китайской границы не раз отмечал начальник войск Забайкальского округа генерал-лейтенант Н.В. Лавриненко. И в мае 1968 года Вайнбергу было присвоено звание полковника. Поступила и новая ответственная задача. После конфликта на острове Даманском руководство Погранвойск СССР приняло решение о формировании еще нескольких пограничных отрядов. Командиром одного из них — Приаргунского — был назначен Эля Ариевич.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ РУБЕЖ

Первый камень будущего военного городка в поселке Приаргунск заложили в мае 1968 года. Предстояло построить более 20 различных объектов.

— Для своевременного завершения строительства, — вспоминает ветеран, — требовались кардинальные меры и неординарные решения. Первым делом занялись укреплением дисциплины. Строительный отряд, которым командовал майор Сидоров, был переведен на круглосуточную работу в три смены.

Вайнберг принял решение создать оперативную группу, каждый офицер которой отвечал за конкретный объект.

Требовалась немедленная реакция на возникающие проблемы. Офицеры отряда буквально жили на стройке!

Ход строительства обсуждался каждый вечер, а утром Эля Ариевич проводил планерку, где уточнялся график работ на день. Сроки ввода объектов жестко контролировались.

Большую помощь оказывали местные хозяйства и предприятия, особенно ТЭЦ и Горно-химический комбинат под руководством Н.Е. Горбунова и С.С. Покровского. Так появилась возможность улучшить бытовые условия и разнообразить рацион личного состава, ускорить поставки стройматериалов. Эля Вайнберг был депутатом Калганского райсовета депутатов и членом бюро Приаргунского райкома партии, что способствовало расширению шефских связей.

В начале 1970 года завершилось строительство объектов первой очереди. В Приаргунск переехали все подразделения управления. Офицеры и их семьи разместились в прекрасных квартирах, а личный состав — в благоустроенных казармах. При этом продолжалось строительство клуба, спортзала, учебного корпуса, подземных переходов и других объектов.

От Даурского пограничного отряда было принято 6 застав, а сформированному на базе Нерзаводского Кокуйскому погранотряду переданы 7 застав и группа катеров. Протяженность участка ответственности нового подразделения составила 416 километров. Его штат насчитывал более 2000 человек: управление, 18 застав, в том числе радиолокационно-прожекторная, мотоманевренная группа, минометная батарея, роты связи, автомобильная, инженерно-техническая и обслуживания, автомастерская, духовой оркестр и школа сержантского состава.

Приаргунский отряд оснастили самыми современными техническими средствами. Применялся и новый вид пограничного наряда — пост технического наблюдения в составе радиолокационного и прожекторного расчетов.

В начале 1972 года в погранвойсках был начат эксперимент по переходу на новую — сменную — систему охраны рубежей страны. Приаргунский отряд стал его участником от Забайкальского округа. Штат пришлось перестроить для создания 4 маневренных групп, в состав которых вошли 1100 человек. На охрану границы одновременно выставлялись 11 застав, 50% штата радиолокационно-прожекторной заставы и 4 катера.

В трех километрах от управления отряда за 7 месяцев был оборудован полевой учебный центр площадью 160 гектаров: автоматизированное стрельбище, тактическое поле с опорным пунктом, учебные городки для подготовки различных специалистов, городок для обучения личного состава защите от оружия массового поражения, авто- и танкодром, строевой плац, спортивная база с гимнастическим городком и учебная застава.

Осенью 1972 года в Приаргунске успешно прошли всесоюзные сборы начальников отрядов, перешедших на новую систему охраны границы, с участием начальника погранвойск СССР генерал-полковника П.И. Зырянова.

— Для отряда, — уточняет Эля Ариевич, — эксперимент, безусловно, был положительным. Сменная охрана позволила создать мощный резерв и увеличить маневренность сил и средств, повысить уровень боевой подготовки личного состава и создавать условия для организации его нормального отдыха после напряженной службы на границе. Приаргунский отряд стал одним из передовых. Кроме того, на его базе постоянно проводились различные сборы, в том

числе всесоюзные, и была открыта школа сержантского состава. Все это позволяло аккумулировать в подразделении лучший опыт и новейшие методические разработки.

За высокие показатели оперативно-служебной деятельности Приаргунского пограничного отряда полковника Вайнберга в 1974 году наградили знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», а в 1975-м — орденом «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» III степени.

К тому времени, уже перешагнув 50-летний рубеж, он прекрасно понимал, что полностью состоялся как офицер, сумев реализовать весь свой опыт, знания и умения. Приятно было осознавать, что часть жизни, отданная границе, послужила на благо стране, которую Эля Ариевич любил всем сердцем. Его рапорт с просьбой об увольнении в запас по возрасту был решен положительно в декабре 1976-го. Под Новый год семья Вайнбергов покинула Приаргунск.

ЖЕМЧУЖИНА У МОРЯ

Они поселились в солнечной Одессе — город очаровывал яркими пейзажами, смешением культур и гостеприимством местных жителей. Давнишние грезы о переезде на побережье теплого моря наконец стали явью.

Будучи по натуре человеком энергичным, Эля Ариевич устроился работать в производственное объединение «Зонт», где 20 лет возглавлял штаб гражданской обороны. Начав с оформления документации, он добился оборудования специального класса для занятий. Организовал проведение штабных тренировок с руководством, рабочими и служащими. Через пару лет штаб гражданской обороны объединения ставили в пример другим предприятиям.

В апреле 1998 года ветеран с супругой переехали в Калининград — поближе к детям и внукам. Позже, прогуливаясь по мощеным улицам города, любуясь его парками и старыми башнями, он вспоминал прожитые годы.

ГОЛОС СКРИПКИ ИЗ ДАЛЕКОГО ДЕТСТВА

В юности Эля Ариевич, как и большинство его сверстников, считал судьбу чем-то определенным, данным человеку с рождения. Своего рода готовым сценарием. Но, становясь старше, все больше убеждался в обратном: сильные духом люди не боятся ответственности и рисуют на карте жизни собственные маршруты.

Рассказывая о детстве, прошедшем в городе Коростене Житомирской обла-

сти, ветеран с особой теплотой вспоминает родителей, которые окружали сына любовью, умудряясь избежать излишней опеки и назидания. Их рассудительность и требовательность сформировали характер Эли Ариевича, помогли определиться с жизненными приоритетами.

Отец будущего пограничника, Арье Элевич, работал учителем, а затем директором школы. В 1949 году его многолетний труд на этом поприще был отмечен орденом Ленина. Мама, Соня Берковна, вела занятия в подготовительных классах, позже заведовала школьной библиотекой.

Семью Вайнбергов очень уважали. Стремясь быть достойным известной в городе фамилии, учился Эля Ариевич на «отлично».

Родители с малых лет привили ему любовь к музыке. В четыре года отец начал учить сына играть на скрипке, затем он осваивал инструмент в музыкальной школе. На первых порах занятия были обузой, но со временем Вайнберг-младший стал получать от них удовольствие. Особенно когда появлялась возможность сыграть дуэтом с отцом. Нередко они импровизировали, сочиняя собственные мотивы. Были и концерты в городском Доме учителя. Возможность выйти на сцену стала хорошим стимулом для серьезных репетиций.

Позже, на фронте, игра на скрипке вспоминалась как сказочное видение. Классические мелодии, звучавшие в голове короткими отрывками, были образами из другой жизни, далекой и почти нереальной. Закрывая глаза, Эля Ариевич стремился продлить эти дорогие сердцу мгновения. Голосом скрипки пела душа, страдающая от царивших вокруг ужаса и смерти.

В АДУ

С Великой Отечественной войной связаны самые страшные воспоминания Эли Ариевича. Впервые он увидел ее во время бомбежки поезда, на котором их класс после получения аттестатов о среднем образовании ехал на экскурсию в Киев. Детей разбудил гул самолетов. В памяти навсегда остались убитые пассажиры, которых выносили из вагонов.

Мобилизация Вайнбергов не коснулась: младшему было только 17 лет, а старший из-за болезни призыву не подлежал. Семью эвакуировали сначала в Сталинградскую область, а затем в Узбекистан. Там Эля Ариевич пять месяцев учился в Ташкентском пулеметно-минометном училище, после чего в феврале 1943 года был направлен на фронт. Советские войска в то время готовились к контрнаступлению на Курском и Белгородском направлениях.

Сержант Вайнберг был назначен командиром отделения пулеметной роты 2-го батальона 924-го полка 252-й стрелковой дивизии 53-й армии Воронежского фронта. Главный урок войны он получил в ходе наступления на Белгородском направлении.

Всю ночь шла разведка боем — взвод Вайнберга вызывал огонь на себя, давая возможность наблюдателям засечь позиции противника. Утром, когда наступило затишье, обнаружилось, что все подразделения батальона оставили позиции, отойдя в тыл. На огневых рубежах остались только

Справка об объявлении благодарности Верховного главнокомандующего Маршала Советского Союза И.В. Сталина за освобождение Харькова. 1943 год

Старший лейтенант Вайнберг и старшина Тартачаков в наряде.
1953 год

17 человек — неопытные бойцы, верные присяге. На вооружении у них были винтовки, гранаты, пулеметы — два ручных и один станковый. Держались бойцы трое суток, экономя боеприпасы и заботясь о тех, кто получил ранения. Без воды и пищи, под палящим солнцем они изо всех сил удерживали свои позиции. Однако раненым нужна была помощь, поэтому ночью под летящими над головами минами и снарядами их со связным отправили в тыл. Чуть позже связной передал приказ комбата на отход.

В расположение батальона, по словам Эли Ариевича, они вернулись как выходцы с того света: раненые, грязные, обессиленные, голодные, но не сломленные. На следующий день их наградили медалями «За боевые заслуги».

Позже в бою под Харьковом благодаря четким командам Вайнберга его отделение сыграло одну из главных ролей. Соседние полегли под мощным артиллерийским огнем противника. Но сержант Вайнберг отдал приказ броском выдвинуться на рубеж и вести огонь из пулемета. Бойцы заняли опушку леса, что позволило батальону провести успешное наступление. За тот бой Эля Ариевич был представлен к награждению орденом Красной Звезды.

Участвовал он и в форсировании Днепра южнее Кременчуга. Разрыв мины перевернул плот, на котором плыл Вайнберг, когда до берега оставалось всего 15—20 метров. Снаряды противника уничтожили и соседние плоты. Крик, стоны, гул и взрывы — это был настоящий ад! Но поддаться страху означало верную смерть, поэтому бойцы вплавь добрались до берега, вытащили из ледяной воды пулемет и коробки с лентами. Тогда в мокрой одежде из-за напряжения они не чувствовали холода. Адреналин и желание прорваться вперед во что бы то ни стало давали силы нести оружие, занимать позиции и бить врага. Только спустя время Вайнберг понял, что отморожил два пальца на левой ноге.

Во время наступления в направлении Кировограда Эля Ариевич получил осколочное ранение и оказался в госпитале села Ануфриевка. После лечения его направили в 147-й запасной полк 2-го Украинского фронта, куда почти трое суток Вайнберг добирался пешком через сожженные деревни и села.

Еще гремели сражения, но руководство страны уже задумывалось о подготовке офицерских кадров для армии

послевоенного периода. Эле Вайнбергу предложили стать курсантом Термезского пулеметно-минометного училища.

ОТ ТАШКЕНТА ДО КАСПИЯ

Победной весной 1945 года он окончил 1-й курс... Ташкентского пехотного училища имени Ленина. Туда его направили из Термеза в числе 50 курсантов-фронтовиков. Через год, сдав выпускные экзамены на «отлично», он, к своему удивлению, получил распределение в Азербайджанский пограничный округ.

К первому месту службы ехал полный самых радужных надежд, воображение рисовало картины прекрасного будущего. Однако до Баку, где располагался штаб округа, Эля Ариевич не добрался: его сняли с поезда из-за брюшного тифа. В госпитале он провел четыре месяца — болезнь протекала тяжело, врачи с большим трудом спасли ему жизнь.

После прибытия в столицу Азербайджана обессиленного Вайнберга на три месяца закрепили за отделом кадров, а затем назначили заместителем начальника заставы «Яйджи» Нахичеванского отряда, охранявшей 10-километровый участок границы СССР с Ираном по реке Аракс.

Нарушителей здесь было много, иногда задерживали и агентов иностранной разведки. Один из них перешел границу вместе с курдами, бежавшими из Ирана несколькими семьями. Скрываясь от репрессий, курды искали убежища в СССР. Выявить шпиона помогли сами перебежчики, сообщив советским пограничникам о неизвестном мужчине, который примкнул к ним.

Другой агент нарушил границу, переплыв реку Аракс. Он представился офицером иранской армии, спасающимся от преследований. Позже выяснилось, что этот сотрудник иранской разведки намеревался обосноваться на территории СССР под видом беженца для выполнения специальных заданий.

Запомнился ветерану-пограничнику еще один случай. Проверяя документы у пассажиров поезда Баку — Ереван, он заметил мужчину с табличкой «глухонемой». Но рваная одежда составляла разительный контраст с холеным лицом... Мужчину сняли с поезда и отправили в Нахичевань. Оказалось, что под видом глухонемого скрывался агент иностранной разведки, намеревавшийся уйти в Иран. За проявленную бдительность Вайнбергу объявили благодарностью приказом начальника погранвойск Азербайджанского округа.

Иногда советско-иранскую границу нарушали и граждане СССР. Они прыгали с поезда в реку, пытаясь перебраться в соседнее государство. Чаще всего это были преступники, бежавшие от наказания. В их поимке помогали местные жители.

На заставе бдительными приходилось быть всем, даже офицерским женам и детям. Как-то по информации женщин, которые ходили в поселок за молоком, задержали солдата-дезертира.

Природная тактичность Эли Ариевича помогла ему выработать линию работы с подчиненными, в которой прекрасно совмещались требовательность, забота и уважение. Такое отношение позволило офицеру быстро завоевать авторитет.

Через три года старшего лейтенанта Вайнберга назначили начальником заставы «Джуга», расположенной на окраине одноименного армянского села. Здесь пришлось серьезно поработать над повышением дисциплины. Прежде всего Эля Ариевич и его заместители занялись воспитанием сержантского состава. Частыми гостями заставы стали участники Великой Отечественной войны и старожилы из приграничных сел, офицеры проводили с незнательными солдатами и сержантами индивидуальные беседы, воспитывали коллектив на примерах из фильмов и книг, организовывали спортивные мероприятия. Параллельно занимались инженерно-техническим оборудованием границы, устанавливали посты наблюдения и обустроили тыловой рубеж. Кропотливая работа с подчиненными и грамотное планирование службы вскоре дали свои результаты. Уже через год «Джуга» вошла в число передовых подразделений Нахичеванского отряда.

Чуть позже по служебной необходимости старшего лейтенанта Вайнберга перевели на заставу «Куркоса». Располагалась она в рыбацком поселке на берегу Каспийского моря и контролировала 30-километровый участок границы. Нарушителей здесь было немало. Так, однажды пытался скрыться от преследования преступник, бежавший из бакинской тюрьмы. На украденной в поселке лодке он вышел в море, где его перехватил пограничный катер. В другой раз задержали мужчину, незаконно проникшего в СССР из Ирана. Он пробрался на баркас, курсировавший из Ленкорани на остров Куркосу, и затерялся в толпе. Но бдительные пограничники помешали ему продолжить нелегальное путешествие.

В октябре 1953 года Вайнбергу присвоили звание капитана и вернули на прежнее место службы, где он по-прежнему

добивался прекрасных результатов в ущерб собственному отдыху. Иначе не получалось — нарушители были весьма изобретательны. Как-то наряд обнаружил медвежьи следы. Но пограничники засомневались в том, что оставил их зверь. И действительно, цепочка отпечатков когтистых лап привела бдительных стражей к следам человека. Заставу подняли по тревоге. Поисковая группа, которую возглавил Вайнберг, обнаружила хитрого нарушителя, а служебные собаки нашли лапы, которые тот позаимствовал у хищника. За образцовое несение службы наряд и начальника заставы наградили медалями «За отличие в охране государственной границы».

ДИПЛОМАТ

В 1958 году по окончании Военного института КГБ при СМ СССР майор Вайнберг был направлен в Кяхтинский пограничный отряд Дальневосточного округа. Здесь, на участке границы с Монголией протяженностью 1200 километров, задерживались сотни нарушителей, изымались контрабандные товары на десятки миллионов рублей. В составе отряда было 11 застав, которые располагались на территории четырех районов Бурятской АССР и одного района Читинской области.

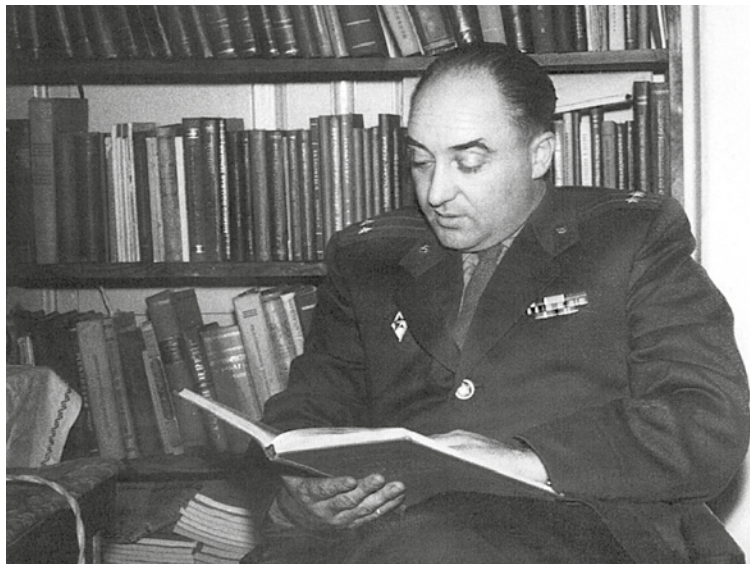
Малочисленные заставы отряда охраняли огромные участки, которые были совершенно не оборудованы в инженерном плане. Именно этим вопросом занялся Вайнберг в составе рабочей группы вскоре после прибытия к новому месту службы. Изучив обстановку непосредственно на границе, группа представила ряд предложений по техническому усовершенствованию рубежа и повышению контроля пограничных нарядов, которые были успешно реализованы и исключительно благоприятно сказались на результатах служебной деятельности отряда.

Еще через несколько месяцев Эля Ариевич возглавил подкомиссию по демаркации советско-монгольской границы, которая проводилась на правом фланге участка Кызылского отряда. Участок этот протяженностью около 400 километров проходил по труднодоступной высокогорной местности, покрытой густым лесом.

Комиссия под руководством представителей МИД СССР успешно сотрудничала с монгольской делегацией. Стороны

Демаркация советско-монгольской границы на участке Кызылского пограничного отряда. 1959 год

Родина высоко оценила мужество и самоотверженность Эли Вайнберга, его вклад в обеспечение государственной безопасности. Среди наград ветерана два ордена Красной Звезды, ордена «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» III степени и Отечественной войны II степени, Почетный Серебряный орден «Общественное признание», медали «За боевые заслуги», «За безупречную службу» I и II степени, «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Маршал Советского Союза Жуков», «За отличие в пограничной деятельности», более 20 юбилейных медалей, а также знак «Почетный сотрудник госбезопасности».

предусмотрели обмен территориями между государствами с тем, чтобы не разделять границей советский населенный пункт, по которому возникали разногласия. За эту работу Эля Ариевич получил благодарность от министра иностранных дел СССР и фотоаппарат от председателя КГБ СССР.

По завершении работы в подкомиссии, которая дала офицеру серьезный дипломатический опыт, его назначили заместителем начальника штаба Кяхтинского отряда. Должность предполагала активное участие в погранпредставительской деятельности.

В Монголии основной участок границы с СССР тогда охранялся местным населением, лишь на транзитных путях стояли небольшие посты. Постоянная связь с комиссарами трех монгольских аймаков, примыкающих к зоне ответственности Кяхтинского отряда, обеспечивала своевременную информацию об обстановке и организацию взаимодействия в случае нарушения государственного рубежа. Большую роль в этом взаимодействии играло общение в неофициальной обстановке, уважение национальных традиций коллег. Так, во время совместных трапез советские пограничники нередко отказывались от столовых приборов, следуя монгольским обычаям.

Спустя четыре года подполковник Вайнберг возглавил штаб Кяхтинского отряда. Времени для вхождения в должность ему не потребовалось — он прекрасно знал специфику службы, поэтому с головой окунулся в работу. Эля Ариевич

сделал акцент на повышении профессионализма офицерского состава — по его инициативе была обновлена учебно-методическая база: стрельбища, строевой плац, классы командирской подготовки, информационно-агитационные материалы. Продолжались и введенные им в практику по прибытии в отряд штабные тренировки, подъемы по тревоге, внезапные проверки застав.

Значительного внимания требовал и контроль соблюдения советско-монгольской конвенции по упрощенному переходу границы — такое право было предоставлено жителям примыкающих к ней районов. Пропуска оформляли по спискам, подготовленным руководителями хозяйств. Обычно это было связано с заготовкой сена. По предложению Вайнберга к проверке списков подключились районные органы внутренних дел: чтобы не допускать случаев воровства на сопредельной территории, из них удалялись люди с преступным прошлым. На охране границы это сказалось положительно. Хотя и вызвало недовольство кое-кого из сельчан, лишившихся возможности завозить дешевое сено из Монголии.

Под постоянным контролем нового начальника штаба находился КПП «Монды», не только осуществлявший пропуск граждан, но и охранявший 100-километровый участок государственной границы. Регулярное проведение в подразделении учений с задержанием условного нарушителя и привлечение к обеспечению безопасности государственного рубежа добровольных народных дружин из числа местных жителей позволили значительно улучшить служебно-боевые показатели пункта пропуска. Как-то с участием членов ДНД здесь задержали опасного преступника — заключенного иркутской тюрьмы, который вырвался на свободу.

Огромную работу Эля Ариевич проводил и с офицерским составом железнодорожного КПП «Наушки», где осуществлялся интенсивный пропуск грузов и пассажиров, следовавших поездами Улан-Батор — Москва и Пекин — Москва. На этом направлении систематически пресекались попытки провоза контрабандных товаров, проезда нелегалов. В такой обстановке первостепенными для подполковника Вайнберга по-прежнему были дисциплина и исполнительность вверенных ему людей.

Значительную роль в достижении этой цели играла продуманная организация досуга. В отряде часто проходили концерты самодеятельных коллективов. Нередко в них принимал участие и сам Эля Арие-

вич, играя на скрипке. Семьи военнослужащих с удовольствием приходили на вечера отдыха. Работали библиотека и кружки по интересам, дети могли проводить каникулы в летнем лагере. В каждом подразделении отряда были оборудованы спортивные городки, проводились соревнования.

— Успешное решение задач, — подчеркивает ветеран, — зависело от слаженной работы офицерского состава. И нужно было сделать все, чтобы создать для этой работы благоприятную атмосферу и условия. Ведь офицеры, не жалея сил и времени, отдавали себя службе целиком! С большой благодарностью вспоминаю о начальнике политотдела Курочкине, заместителе начальника отряда по разведке Торопове, начальнике тыла Зекторе, офицерах штаба Шишкине, Колыванове, Мартыненко, Черданцеве, офицерах политотдела Олоеве, Маркове, Челале, начальниках застав Абрамове, Доронине, Федорове, Зенкине, Горине, Щербакове, Мяснянкине, Гемборовском, начальнике школы сержантского состава Демченко.

О девятилетнем периоде службы в Кяхтинском пограничном отряде у Эли Вайнберга остались самые теплые воспоминания. Часть жизни, отданная охране рубежей Родины на советско-монгольском участке, уже стала историей, которую нынешнее поколение изучает по книгам и Интернету. Но заслуженный пограничник гордится тем, что смог внести посильный вклад в обеспечение безопасности огромной страны, некогда занимавшей шестую часть суши планеты Земля.

В БЕРЕЖНЫХ ОБЪЯТИЯХ ЛЮБВИ

Эля Ариевич уверен в том, что без любви и поддержки своей ненаглядной супруги он не смог бы пройти путь, который считает достойным и счастливым! Евгения Арсентьевна, Женечка, как ласково называет ее ветеран, женщина, с которой он прожил в браке около 60 лет, была его путеводной звездой. Она могла задорным смехом поднять настроение, тихим прикосновением прогнать тревогу и обогреть нежным лучистым взглядом.

Любимой давно нет рядом, но она сквозь годы продолжает помогать Эле Ариевичу воспоминаниями о том времени, когда семья радовалась каждому дню в жаркой Джульфе, заснеженном Забайкалье, светливой Москве и приветливой Одессе.

Они познакомились в 1944 году в Баку, когда Эля Ариевич после фронта и лечения в госпитале ехал учиться в Термез.

Евгения Вайнберг на заставе «Яйджи». 1948 год

Его будущая супруга была студенткой техникума связи. Элю Ариевича поразила тогда доброта, которая светилась в карих глазах черноволосой улыбчивой девушки.

Ожидая мужа со службы, Женечка успевала убраться в квартире, позаботиться о детях (в семье росли дочери Света и Алла), приготовить чудесный ужин, пригласить гостей и помочь заставскому повару составить меню на неделю. Открытый характер, общительность и доброжелательность делали ее душой любого коллектива. Кроме того, у Евгении Арсентьевны был красивый и сильный голос. Она с удовольствием выступала на концертах художественной самодеятельности. Ее образ и сегодня в сердце ветерана — лучиком солнца, нежным запахом розы, теплым дуновением ветра...

Из прожитых лет судьба пишет роман, в котором события и поступки складываются в сюжет, щедро разукрашенный многочисленными оттенками любви и ненависти, гордости и зависти, горечи и благодарности, уверенности и сомнений. И ключевыми поворотами этого сюжета становятся решения, которые принимаем мы сами. Об этом Эля Вайнберг рассказал в книге «Мои воспоминания», вобравшей в себя страницы непростой жизни и службы, и сборнике стихов «Моя судьба», наполненном поэтичными миниатюрами впечатлений. Они — его послание потомкам, тем, кто готов нести ответственность за собственный путь. БГ

НАШИ ДУШИ — В ГОРАХ...

Текст: Ольга СКОРЫНИНА

Героями не рождаются. Ими становятся по велению сердца и совести, стремясь не остаться в истории, а подарить другим счастливый шанс на жизнь. Так, как это сделали бойцы Панфиловского отряда в ноябре 1985 года. Вместе с родными и близкими погибших в Зардевском ущелье мы продолжаем рассказ о них, вспоминая далекое и счастливое прошлое.

О чем мечтают молодые отцы, глядя на своих маленьких мальчиков? О том, как они вместе будут гонять мяч во дворе или сидеть вечерами у костра, разговаривая по душам... Владимир Рослов тоже мечтал об этом. Но сегодня его сын старше отца, которого помнят не только близкие.

29-летний капитан Владимир Рослов, кавалер ордена Красной Звезды, погиб смертью храбрых в неравном бою на территории Афганистана 22 ноября 1985 года. Воспитанный на примерах героев Великой Отечественной войны, он до последнего вздоха сражался плечом к плечу со своими бойцами.

Смотрю на фото Владимира Николаевича: большие темные глаза, благородные черты лица. Если бы не военная форма, можно было бы подумать, что этот мужчина — прекрасный герой индийского кинофильма.

Сын Рослова вырос похожим на отца как две капли воды. В характере и поступках — тоже сплошь отцовские черты. Иван унаследовал цельный характер, сформированный представи-

Семья Рословых. 1950-е годы

телями нескольких поколений фамилии. Все они были людьми светлыми, трудолюбивыми и мужественными.

Владимир Рослов родился на Севере, в Якутске, куда его родители приехали в составе геологоразведочной экспедиции. Работу свою они любили и трудностей не боялись, но семейное счастье было недолгим. Трагически погиб отец Володи, и его мать позвали к себе родственники. Так осиротевшая семья оказалась на другом конце страны, во Фрунзе.

Горе не сломило Александру Егоровну. Она училась и работала с упоением. Окружающие восхищались ее жаждой жизни, стремлением ко всему новому, энтузиазмом. Ордена Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции, почетные звания Героя Социалистического Труда и Заслуженного строителя Киргизской ССР ярко свидетельствовали о ее достижениях. Правда, замуж она больше не вышла, отдавая всю свою любовь детям, стараясь быть для них надежной опорой. Маму Володя боготворил, даже будучи взрослым. Между ними существовала особая духовная связь.

Окончив школу, он уехал в Казахстан, где упорно готовился в течение года к поступлению в Алма-Атинское общевойсковое училище имени маршала И.С. Конева и своего добился. Служить молодого офицера направили на границу. Уютный киргизский городок Пржевальск (ныне — Каракол) его принял тепло.

«ЧАЙКА МОЯ БЕЛАЯ!»

Здесь, на берегу озера Иссык-Куль, Владимир Рослов встретил свою любовь. Скромная девушка с необыкновенной фамилией Чайка стала его женой.

Они были удивительно красивой парой — как из кино, как из книг о любви. Любовь и трепетная нежность друг к другу стали в их семье главным богатством. «Лидочка, любимая, чайка моя белая...» — эти слова, которые так часто говорил ей муж, Лидия Петровна и сегодня хранит в сердце. Она вырастила двоих детей, помогает воспитывать внуков и благодарит судьбу за то, что в ее жизни было короткое счастье, стоящее во сто крат больше долгих лет равнодушия.

Разыскав эту обаятельную, добрую и очень скромную женщину на Алтае, в Барнауле, я попросила ее поделиться воспоминаниями о том, каким человеком был Владимир Рослов. Вот что она рассказала.

МИМОЛЕТНОЕ СЧАСТЬЕ

В Киргизию я приехала в гости к сестрам, но живописные берега Иссык-Куля очень скоро стали для меня родными. Пржевальск покорила с первого взгляда — и я не смогла не остаться. Устроилась на работу, обзавелась друзьями. А однажды по счастливой случайности оказалась на празднике золотой осени в ресторане «Алтын-куль».

На столах были яблоки, груши, виноград. Яркие осенние цветы в праздничном убранстве зала дополняли это великолепие. Звучала живая музыка. В ресторан вошли двое высоких, красивых парней. Один из них показался мне знакомым, и через мгновение я вспомнила, что видела его у сестры. Он, видимо, тоже запомнил меня, потому что подошел и пригласил на танец. Потом мы пошли гулять по ночному городу... С тех пор каждую свободную минутку мы проводили вместе.

Как-то он забежал ко мне перед отъездом в командировку. Я впервые увидела его в военной форме. Каким же он был красивым! Я любовалась его офицерской выправкой,

Курсант Владимир Рослов

огромными карими глазами, длинными ресницами и понимала, что теряю голову от любви...

В декабре 1980 года Володя с друзьями приехал к нам в гости (я тогда жила у сестры). Это был настоящий праздник, стол ломился от яств. И здесь в присутствии родных и друзей Володя попросил моей руки! Я, конечно, согласилась. Его мама, несмотря на недомогание, познакомилась с моей сестрой на следующий же день — для

Владимир и Лидия

Александра Рослова

нее счастье сына всегда было на первом месте!

Мы подали заявление в ЗАГС. 31 января 1981 года сыграли свадьбу в том же ресторане, где впервые танцевали. Гулял почти весь гарнизон! Вскоре нам дали служебную двухкомнатную квартиру.

Как птицы, пролетели весна, лето, осень... К зиме мы ждали пополнения! Но дочка решила порадовать нас раньше и родилась 2 ноября 1981 года, крошечной — всего 2200 граммов. Володя сам выбрал имя — Настенька.

Помню, как он пришел к окнам роддома и стоял под снегом, который падал большими хлопьями, счастливый, махал руками и кричал, как рад, как нас любит... Из-за того, что девочка появилась на свет раньше срока, нас задержали в больнице. Но Володя постоянно был рядом, искал лучшую коляску, с умилением рассказывал мне обо всех покупках для малышки. Я видела, что эти хлопоты доставляют ему удовольствие.

В день выписки Володя приехал с мамой. Дома устроили праздник. Но, принимая поздравления, я заметила, что свекровь чем-то расстроена. На следующий день, когда Володя проводил маму на вокзал и ушел на службу, я узнала от соседки, что наши мужья уезжают в Афганистан. Александра Егоровна, конечно, очень переживала, но Володя запретил ей говорить мне об этом.

Они вернулись из командировки через два месяца. Радости не было предела! Мы снова были вместе каждую свободную минуту.

Позже Володю перевели служить в город Панфилов начальником 1-й заставы мотоманевренной группы. Возле дома, где находилась наша новая квартира, я показала дочке целую стаю голубей. Володя тогда обнял нас и сказал, что это добрый знак — быть на новом месте миру и любви!

Вообще, у нас были прекрасные отношения. Мы понимали друг друга с полувзгляда, ни разу всерьез не поссорились, разве что я ворчала иногда... Володя ссор не выносил, да и о людях всегда говорил только хорошее.

23 июня 1984 года у нас родился сын — настоящий мужичок, 3800 граммов! Володя назвал его Ванечкой. Я была счастлива. Мы стали родителями двух очаровательных детей!

Отец он был хороший, заботливый. В свой выходной охотно оставался с дочкой и сыном, пока я ходила на базар, в парикмахерскую, по магазинам. Дети его всегда слушались! А он их просто обожал. Однажды я купила три десятка яиц и сложила в миску, а Настенька перевернула ее. Я рассердилась, а Володя взял дочку на руки и говорит: «Неужели яйца тебе дороже нее?» С тех пор я никогда не наказывала детей за шалости. Всегда вспоминала его слова.

Мои родители приняли Володю как родного. Жили они в казахском селе Поповка Целиноградской области, и моему мужу, городскому жителю, там было интересно буквально все! Мама угощала его по утрам парным молоком, с братом он ходил на охоту, рыбалку. Узнав, что Володя вырос без отца, мой папа окружил его заботой. Володя говорил: «Он очень хороший. Я своего отца совсем не помню, и мне так приятно, что твой папа старается мне его заменить!» Мы даже в страшном сне не могли представить, что та же судьба ждет наших детей.

И ДЕНЬ СТАЛ НОЧЬЮ...

Незадолго до последнего отъезда Володи в Афганистан к нам приехала его мама, сказала, что ложится в больницу, на операцию. Плакала, будто прощалась с сыном, твердила, что больше его не увидит. Мне тогда тоже почему-то стало страшно...

О командировке мы узнали через несколько дней. «Афганистан! Афганистан!» — стучало в моей голове. Я расплакалась, Володя стал меня успокаивать. Говорил, что в Афганистане уже все спокойно, да и едет совсем ненадолго. Он уже торопился — надо было ведь все проконтролировать на заставе, но мы с детьми долго не могли его отпустить... Он обнимал, целовал нас, а когда ушел, все вокруг словно потемнело. Я молилась, чтобы он вернулся живым.

Буквально на следующий день после его отъезда позвонила свекровь и спросила, что с Володей. Она увидела плохой сон и забеспокоилась. Я ответила, что все в порядке, ведь перед операцией ей нельзя было волноваться. А сама подумала, как чутко материнское сердце...

Ко дню рождения дочери папа умудрился прислать поздравительную телеграмму, потом пришло еще два письма. Он знал, что я буду читать их с детьми, поэтому в каждом обращался и к ним. Вот они, письма с афганской войны.

Первое: «Здравствуйте, мои дорогие! Как вы там живете? У меня все нормально, доехали мы хорошо. Разместились нормально, кормят как на убой. Так что, прелесть моя, можешь не волноваться — ем за троих, а здоровье прекрасное. Здесь очень много наших знакомых: Ураксин, Говоров, Шейкин, Изаченко. Пока ничем существенным не занимаемся — солдаты ходят в наряд, а мы спим да едим.

Израненный и истекающий кровью капитан Владимир Рослов поднял голову. Чуть поодаль слышались голоса и одиночные выстрелы. Бандиты, разбившись на группы, короткими перебежками метались на двух небольших горных террасах, где не так давно шел ожесточенный бой. Приближаясь к лежащим неподвижно на земле пограничникам, духи спешили сделать контрольный выстрел, и только потом, подобно шакалам, набрасывались на добычу. Они торопливо сдирали с убитых обмундирование, стаскивали сапоги, собирали вооружение и боеприпасы.

Владимир дотронулся рукой до внутреннего кармана и нащупал в нем гранату, осторожно извлек ее. Темнота в горах наваливалась быстро, а вместе с ней размывались и очертания приближающихся бандитов. Рослов вытащил чеку, зажав гранату в левой руке. Идущий впереди афганец вскинул «бур» и прицелился. Рослов разжал пальцы. Громоыхнул взрыв, гулко отозвавшийся в ущелье. Враг споткнулся, выронил ружье и упал. Вслед за ним, посеченные смертельными осколками, на землю повалились духи, подобравшиеся к офицеру. Набегавшие после бандиты долго глумились над телом пограничника. Среди документов офицера они обнаружили письма от жены. Бросив исписанные убористым почерком листки на землю, один из мародеров выстрелил в них...

Из очерка Валентина Малютина «Они не вернулись из боя»

Капитан Владимир Рослов

Мамочка, миленькая, пиши, как вы там живете, смотри, сильно моих деток не обижай! Настенька, а ты будь послушной, мамочку слушай, помогай ей и Ванечку не обижай, будь хорошей сестренкой! Заранее поздравляю тебя с днем рождения! Расти большой и красивой, здоровой и умницей. Ванечка, ты тоже слушай мамочку и меньше капризничай. Будь здоровеньким!

Лапочки мои дорогие, как я соскучился, как хочется вас всех обнять! Целую! Весь ваш!»

И второе: «Здравствуйте, мои дорогие! Лидочка, получил от тебя письмо, вертолетчики передали. Вы там кончайте болеть, а то приеду, всех накажу — расцелую. У меня все хорошо. Мы сидим в хорошем месте: везде зима, а у нас лето — деревья зеленые, речка — как на курорте...

Как у вас дела? Настенька, доченька, маме помогай. Будь послушной девочкой. А ты, Ванечка, сестренку не обижай. Ты же там пока один мужик в доме!..

Лидочка, буду заканчивать. Скоро должны вертолеты подойти, надо успеть передать весточку. От меня ближайший месяц письма не жди, не будет возможности отправить. Сейчас нашли один конверт, поэтому отправим три письма — раздай Наумовой, Заике. Ну, до свидания. Не болейте!

Всех крепко-крепко целую, мои дорогие, любимые! Ваш папа».

Не уходит боль того страшного дня, опускаюсь в прошлое, как в жуткий сон. Вечером я уложила сына спать, вдруг слышу — стучат в дверь. Открыла, зашли какие-то люди. Я в панике стала спрашивать: «Что случилось?! Что-то с Володей?!!» И кто-то сказал мне: «Он погиб...» День стал ночью, земля ушла из-под ног... Все внутри онемело, даже вздохнуть нельзя было — я вся будто сжалась... Жить не хотелось. Хотелось закричать, открыть глаза — проснуться, чтобы этот ужас исчез!!!

Оставшись одна, я наревелась до изнеможения. Потом все происходило как в тумане, меня и детей на машине отвезли во Фрунзе. Помню, что всю дорогу у меня лились слезы, а дети были так напуганы, что даже не капризничали, хотя расстоя-

ние было неблизкое. Я ехала и думала, как же сейчас тяжело Володиной маме! Весть о смерти сына ее просто уничтожила!

Гроб с телом Володи привезли поздно вечером. Я сидела рядом с ним и мысленно обещала вырастить наших детей. Дочка прижималась ко мне и шептала: «Мама, если его убили, почему они здесь стоят? Прогони их!» А у гроба стоял почетный караул. Как можно было объяснить произошедшее четырехлетнему ребенку?!!

Со всеми воинскими почестями мы похоронили Володю на Чунарыкском кладбище города Фрунзе. Я осталась с горем один на один. Думая о любимом, вспоминая его голос, улыбку, медленно умирала...

Но однажды я увидела в глазах своих детей ту же тоску. И поняла, что они не должны ощущать мою боль. Я обязана сделать их счастливыми! Ведь дочка и сын — наше с Володей продолжение!

Было трудно, но мы преодолели все испытания. Дети выросли, получили высшее образование, устроили свою жизнь. У нас с Володей четверо внуков: у дочери — Михаил и Дарья, у сына — Маргарита и Роман. Это счастье!

Внуки вырастут и непременно узнают о том, что их дед, пограничник Владимир Рослов, был героем и замечательным человеком! Низкий поклон всем, кто помнит его. А в наших сердцах он жив! БГ

Продолжение следует

ХРОНИКА ПИКИРУЮЩЕГО ВЕРТОЛЕТА

Текст: Татьяна НОВИКОВА
Фото: Владимир ЧЕСНЫХ,
из личного архива Михаила ЗУБКО

«Командир звена вертолетов «Ми-8» Зубко Михаил Николаевич 10 марта 1987 года под огнем противника осуществил высадку десанта и получил команду на эвакуацию раненых солдат. После погрузки раненых на борт его вертолет был подбит выстрелом из гранатомета и загорелся. Майор Зубко приказал всем покинуть воздушное судно и, прикрывая огнем отход экипажа с ранеными, предоставил возможность товарищам занять выгодную позицию и удерживать ее до прилета на помощь других вертолетов...»

За этими строчками из книги «История авиации пограничных войск» — судьба человека, посвятившего значительную часть своей жизни служению Родине.

ТАМ, ГДЕ МЕТАЛЛА БЫЛО БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВОЗДУХА

В начале марта 1987 года на границе участились обстрелы советской территории. Разведка доложила о том, что крупные силы боевиков собираются в районе Пянджа. Решено было нанести по противнику упреждающий ракетно-бомбовый удар с воздуха, а на земле блокировать

силами высаженных с вертолетов десантных подразделений.

Операция развивалась по плану, когда Зубко получил сообщение о группе боевиков, укрывшихся в арыке. Развернув машину, Михаил Николаевич увидел направленный прямо на него гранатомет. Доля секунды — и к земле устремились реактивные снаряды. Они разнесли арык, а вместе с ним и противника в клочья. Вертолет шел на малой высоте, и на время весь обзор заволочло черным

дымом. Не успев выбраться из завесы, Зубко получил новый приказ — забрать раненых десантников. На связь вышел подполковник Александр Дубасов:

— 61-й, садись, — услышал свой позывной в эфире Михаил Зубко, — садись, я прикрою.

Но боевики не упустили случая покататься. Обстрел начался, едва в вертолет занесли первого раненого. А еще через минуту борт встряхнул мощный удар, голубые языки пламени лизнули края образовавшейся пробоины. Зубко покинул вертолет одним из последних.

— Помню, как прыгал из горящей машины, — рассказывает Михаил Николаевич. — Кто-то из ребят подхватил меня на руки. А я думал только о том, что нет больше моего 61-го...

Майор Зубко, прикрывая огнем из пулемета экипаж с ранеными, дал возможность товарищам отойти на безопасное расстояние и продержаться до прихода помощи. Она, кстати, не заставила себя ждать — ведущий десантной группы командир эскадрильи Душанбинского полка Александр Дубасов, рискуя жизнью, под обстрелом противника произвел посадку рядом с подбитым вертолетом и эвакуировал экипаж и раненых пограничников. За тот бой он был награжден орденом Красной Звезды, а Михаил Зубко — орденом Красного Знамени.

До сих пор в альбоме Михаила Николаевича хранится пожелтевший снимок любимого вертолета, а на самом видном месте в квартире лежит шлем. Эти немые свидетели войны не дают забыть о том дне, когда он чуть не погиб, совершая очередной боевой вылет.

Винтокрылая машина была для него надежным боевым другом. Под жарким небом Афганистана они вместе выдерживали маневры, категорически запрещенные дома: виражи с креном до 90°, «истребительные» боевые развороты, горки с отрицательными перегрузками (теоретически для вертолета этого типа недопустимые!) и крутые пикирования, при которых в кабине темнело от земли, заполнявшей весь обзор. После гибели вертолета Михаил Николаевич не смог проститься со своим номером 61, посчитал его везучим и перенес на новый борт.

— Кто со мной летал, не был даже ранен! — с гордостью говорит Михаил Зубко. Это не простое стечение обстоятельств. Отчаянный, умеющий мгновенно принять правильное решение, не знающий страха, майор имел почерк настоящего аса. Он одним из первых в полку освоил бомбометание с пикирования.

Не раз Михаил Николаевич «дотягивал» до аэродрома на одном двигателе. Рискую жизнью, сажал «Ми-8МТ» на высоту 3000 и более метров, забирая группы даже с неподготовленных площадок.

— Помню, на участке Калай-Хумб — Хорог, — вспоминает ветеран, — четыре борта нашего звена собирали десантников в горах. Работали «с переднего колеса», цепляясь одной стойкой за уступ скалы, зависая над пропастью. Откажи тогда хоть один двигатель — машина рухнула бы вниз!

ВЕРНУЛСЯ — ЗНАЧИТ, ЖИВОЙ!

В 23-м отдельном авиационном полку Среднеазиатского пограничного округа КГБ СССР Михаил Зубко прослужил до конца войны. Арифметика выслуги — один к трем:

ЗУБКО Михаил Николаевич родился 22 августа 1950 года в деревне Галево Брестской области. В 1975-м окончил Высшее военное авиационное училище в Сызрани. С 1975-го по 1983 год служил в 14-м отдельном авиаполку, затем — в 23-м ОАП. В течение 6 лет выполнял интернациональный долг в Республике Афганистан, проявляя героизм и незаурядное профессиональное мастерство. Совершил 2853 боевых вылета с налетом 4400 часов. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных силах СССР», медалью «За отвагу». Почетный пограничник Республики Беларусь.

ушел «за речку» — умножай прожитое на три, вернулся живым — зачтется. В день экипажи выполняли до 20 вылетов: успевали забросить на высокогорные точки пограничников, забрать раненых и «проутюжить» поля, арыки и сады — благодатные места для засад.

Осваивать летную науку зачастую приходилось в боевых условиях. И не один командир экипажа с благодарностью вспоминал мастер-классы Зубко. На инструкторских занятиях для молодых офицеров Михаил Николаевич раскрывал

возможности машины, демонстрируя великолепную технику пилотирования.

Советско-афганская граница стала для него самой яркой страницей биографии. Здесь он принял боевое крещение, состоялся как военный летчик, познал горечь потерь. Двое его однокурсников

по авиаучилищу — Сергей Ключев и Валерий Рускевич — не вернулись с задания.

Боевые друзья той поры для Михаила Зубко по-настоящему дорогие люди. Воспоминания о жарком небе Афганистана, где металла было больше, чем воздуха, связали их навсегда. Там царила атмосфера воинского братства и слово «друг» становилось синонимом слова «жизнь». Там была по-настоящему мужская работа. И вертолет «Ми-8МТ» — для «афганцев» лучший в мире. Ведь эту машину, когда надо, только попроси, погладь по панели — она все поймет и сделает даже то, на что не рассчитывали ее конструкторы. Как тогда, в горах Памира.

— Однажды забрасывали бойцов на высоту, — вспоминает Михаил Николаевич. — Поднялись на пять тысяч метров, в разреженном воздухе двигатели работали на пределе. И вдруг машина потеряла управление и камнем устремилась вниз! Я уже было попрощался с жизнью, когда лопасти снова «зацепились» за воздух.

В 100 метрах от каменистой земли падение прекратилось. «61-й, где вы? Не вижу!» — раздалось в наушниках. — «Внизу, хочу дорогу посмотреть!» — переводя дух, отшутился Зубко.

К слову, на минимальной высоте, рискуя лишиться не только машины, но и жизни, он летал часто — так проще было обнаружить противника.

Свой последний на территории Афганистана бой Михаил Зубко принял 19 января 1989 года. За него был удостоен ордена Ленина — снова работал на пределе технических возможностей вертолета, прикрывая экипаж Валерия Попкова, впоследствии Героя Советского Союза.

НЕ РАДИ СЛАВЫ

Уволился в запас Михаил Николаевич в том же 1989-м. Тяжелый выбор, но тогда по-другому он просто не смог.

— Предлагали мне должность солидную... Но не для меня это. Я и бумаги — несовместимы, — машет рукой Михаил Николаевич. — И потом, я же до войны достаточно полетал в Карелии. Памятные места. В Гельсингфорсе (ныне Хель-

синки) когда-то служил мой дед, Павел Зубко, фельдфебель царской армии. А мне довелось охранять границу с Финляндией, Норвегией — доставлять грузы и личный состав в отряды, задерживать нарушителей, бороться с браконьерами... Не могу сказать, что повседневная работа в пограничной авиации лишена риска. Но в Афганистане были совсем другие полеты...

После увольнения Михаил Зубко возглавил отделение Белорусского союза ветеранов органов пограничной службы в городе Заславле. Интересный, остроумный собеседник, он и сегодня желанный гость в школах, колледжах, пограничных отрядах — рассказывает молодежи о службе, делится богатым опытом.

— Всю свою жизнь я посвятил пограничным войскам, пограничной авиации и об этом не жалею, — говорит Михаил Николаевич. — Границу видел разной: и пешком по ней пришлось походить, и с высоты птичьего полета на нее посмотреть. Красивая она! И беречь ее, неприкосновенность нашего независимого государства — священная обязанность, долг каждого гражданина Республики Беларусь!

Честь и преданность Родине — вечные категории, по которым всегда будут оценивать человека. **БГ**

АСКАР НУРГАЛЕЕВ: «НАШУ ДРУЖБУ ЗАКАЛЯЛ АФГАНИСТАН»

В год 30-летия вывода советских войск из Афганистана об интернациональной миссии на территории республики сказано немало. Не осталось без внимания и участие в ней пограничников. Я был среди них. И этим горжусь!

Офицером я мечтал стать с детства. Перед глазами был достойный пример: отец служил в органах госбезопасности. Кроме того, в моем родном городе — Алма-Ате — находилось лучшее в Советском Союзе пограничное училище. Его я в свое время и окончил.

В начале марта 1982 года я прибыл в Пржевальский отряд, где формировалась десантно-штурмовая маневренная группа Краснознаменного Восточного пограничного округа. Там под руководством начальника штаба полковника В. Исаченко мы прошли серьезнейшую подготовку: отрабатывали порядок десантирования, вникали в тонкости ведения боя в горах, привыкали к колоссальным физическим нагрузкам. Так рождался наш воинский коллектив — сплоченный, в любой момент готовый к решению любой задачи.

Боевое крещение мы получили в ходе Ташкурганской операции в апреле 1982 года. Одноименный город на севере республики был окружен. ДШМГ КВПО заняла центральную улицу Ташкургана. Первое открытое боестолкновение в истории нашей группы произошло в мае в районе кишлака Шхаро в Куфабском ущелье, когда с моджахедами столкнулась 1-я пограничная застава во главе Н. Болкуновым. А первые потери мы понесли в Джавайском ущелье в октябре 1982 года.

ДШМГ создавалась как штатное мобильное подразделение. Каждый из 200 с лишним человек находился в постоянной готовности к действиям в автономном режиме в течение нескольких суток: с собой всегда имелись боеприпасы и сухпак. Ничего лишнего — вершиной комфорта был спальный мешок. 360

дней в году ДШМГ проводила под открытым небом. Конечно, такие тяжелейшие условия в сочетании с постоянными физическими нагрузками послужили прекрасной закалкой. Но, должен признаться, втянулись мы далеко не сразу!

Весной 1983 года операции с участием ДШМГ шли практически непрерывно. В одной из них неподалеку от города Мазари-Шарифа взводу под командованием старшего лейтенанта А. Рождествина удалось подавить позиции двух зенитных пулеметов, которые вели огонь по нашей группе и авиации. В качестве трофеев нам достались тогда оружие, боеприпасы и канцелярия банды Мавлави Джабара. А при прочесывании местности мы обнаружили госпиталь противника с медикаментами и оборудованием.

Очередную задачу мы получили спустя несколько дней, уже под вечер. Пришлось покинуть гостеприимный гарнизон Московского погранотряда, где мы рассчитывали немного перевести дух, и поспешить к вертолетной площадке.

Перед вылетом в Куфаб

Десантировались в районе уезда Даркад. Осмотрелись. Равнину пересекали глубокие арыки, поросшие камышами. Наша группа получила приказ блокировать здесь боевиков. Но было тихо... Противника мы обнаружили в одном из арыков: двигаясь неслышно, как тени, душманы наблюдали за десанниками, которых вел командир ДШМГ майор И. Барсуков. Улыбались.

Огневой удар разнес укрытие в клочья. Взяв с собой пятерых ребят из состава боевой группы — рядовых Б. Кузьмина, Е. Патрихалина, В. Журкина, В. Макарова и А. Фелонца, — я решил подойти ближе к арыку — затаившаяся неподалеку часть банды все еще представляла угрозу для подразделения И. Барсукова. В расположение врага полетели ручные гранаты. Стреляя на ходу, мы подбежали к разбитому укрытию. Спрыгнув в арык, Е. Патрихалин увидел в паре метров от себя душмана с винтовкой. По счастью, моя автоматная очередь оказалась быстрее... Враг остался лежать в арыке.

Над нашими головами рокотали вертолеты, воздух рассекали трассирующие пули. Грохот боя заполнил все вокруг. Но противник не собирался сдаваться. Прорвавшись к своим, я получил задачу прикрыть правый фланг группы И. Барсукова, со мной отправились 15 десантников. Мы вовремя ударили по наступающему врагу. Стреляли практически в упор — душманы уже подобрались к нашим ребятам на расстояние броска гранаты. Атака захлебнулась. Противник выдохся и стал мелкими группами покидать поле боя. В течение нескольких часов в разных местах возникали ожесточенные перестрелки. С рассветом иссякли и они.

Командование пограничных войск КГБ СССР высоко оценило действия моей 1-й десантной заставы. Рядовой В. Журкин был награжден орденом Красной Звезды, рядовой В. Макаров — медалью «За боевые заслуги».

В одном из таких боев я получил ранение, но вспоминать о нем не люблю. Зато с гордостью и удовольствием всегда говорю о том, что наша Восточная ДШМГ за время службы в Афганистане стала не просто спаянным коллективом. Это был монолит! И в любой операции мы действовали, зная, что рядом не начальники и подчиненные, а настоящие друзья.

В последующем наша десантная группа еще не раз участвовала в боевых действиях, ликвидировала несколько бандитских караванов из Пакистана, осуществляла сопровождение и прикрытие транспортных колонн, привлекалась к проведению операции «Возмездие». За мужество, проявленное при исполнении интернационального долга, более 90% личного состава ДШМГ награждены орденами и медалями СССР и ДРА.

С благодарностью вспоминаю нашего командира. Иван Петрович, человек очень простой и душевный, невероятно ответственный, стоял за нас горой! Никогда не прятался за спинами вверенных ему людей. В 1983 году майор И. Барсуков получил высокое звание Героя Советского Союза. Действия нашей группы сыграли в этом не последнюю роль!

После Афганистана были сложные времена... К тем, кто служил «за речкой», относились настороженно. «Афганский синдром» ведь не был выдумкой... Не всем, к сожалению, удавалось его в себе победить.

Позже я охранял границу на одной из застав Курчумского отряда, служил на Памире. Распад СССР застал меня в Горном Бадахшане. Это был сильнейший удар! В одночасье рухнули все мечты о стабильности и комфорте по увольнении в запас. Пришлось серьезно потрудиться, чтобы самостоятельно, не надеясь на государство, воплотить их в жизнь!

НУРГАЛЕЕВ Аскар Абилхаевич родился в Алма-Ате, Казахстан, 12 августа 1959 года. Окончил школу имени А.С. Пушкина в селе Ленинка Восточно-Казахстанской области, Высшее пограничное командное Краснознаменное училище КГБ при СМ СССР имени Ф.Э. Дзержинского. Проходил службу на различных офицерских должностях в Краснознаменном Восточном пограничном округе. Участник боевых действий в ДРА. Службу завершил в декабре 1992 года. В числе наград — медаль «За отличие в охране государственной границы СССР» (1982), орден «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» III степени (1983) и другие.

Но все удалось. Сегодня я живу в Алматы. Старшая дочь, о рождении которой я узнал в Афганистане (1 апреля — даже не поверил сначала, думал, шутят так товарищи!), уже совсем взрослая. Сын вступает в самостоятельную жизнь, учится в университете в Санкт-Петербурге. Младшей дочери всего 10, она пока со мной, в Казахстане.

Мой дом всегда открыт для друзей. Среди них немало тех, с кем я служил в ДРА. Уже много лет 15 марта мы отмечаем день рождения ДШМГ Краснознаменного Восточного пограничного округа. В разных городах, где бы ни проходил этот праздник, собираются представители нескольких поколений нашего подразделения. Дружбе, закаленной в огне Афганистана, не страшны ни политические разногласия, ни время. Мы до сих пор очень близкие люди! БГ

СОЕДИНЯЯ ЗАПАД И ВОСТОК

Люди, имена которых веками остаются в истории не одного, а нескольких государств, интересны не только ученым, политикам, журналистам. Ведь их жизнь, насыщенная и яркая, — уникальный опыт, позволяющий читателю многое переосмыслить в самом себе и окружающем мире. Тем сложнее задача исследователя, открывающего такую биографию широкой аудитории.

«Евразийцы-созидатели» — на таком названии книжной серии сложно не задержать взгляд. О том, какие издания в ней представлены, мы поговорили с одним из ее авторов. Знакомьтесь, гость редакции — доктор исторических наук Ольга СУМАРОКОВА.

СУМАРОКОВА Ольга Леонидовна родилась в семье военнослужащего. Жизнь в дальних гарнизонах воспитала в ней целеустремленность и бойцовский характер, а последнее место службы отца — любовь к Средней Азии, ставшей объектом ее научных устремлений. В 2004 году она окончила Кыргызско-Российский славянский университет, получила диплом преподавателя русского языка как иностранного. Желание узнать об истоках появления в Среднеазиатском регионе и роли в нем языка Пушкина привело к увлечению историей, переросшему в большую научную работу. В 2009 году она успешно защитила кандидатскую диссертацию, а спустя семь лет — докторскую. Сегодня Ольга Сумарокова — старший научный сотрудник Института стратегического анализа и прогноза вуза, где началось восхождение к научным открытиям, которые должны помочь России и Кыргызстану вместе двигаться по пути созидания.

— Ольга Леонидовна, чему посвящена серия «Евразийцы-созидатели», представленная в нынешнем году на Московской международной книжной выставке-ярмарке?

— Ее герои — люди, которые пытались соединить Восток и Запад в любых сферах: науке, образовании, литературе, искусстве...

К 90-летию со дня рождения Чингиза Айтматова мы подготовили книгу о нем, она стала первой в серии. Монография «Чингиз Айтматов. Человек-Вселенная» раскрывает для читателя многогранную деятельность писателя, журналиста, гуманиста, мыслителя, дипломата, познавшего насущные проблемы человечества, умножившего богатства цивилизации и служившего ей.

Вторая книга — «Евразийские хроники Н.М. Пржевальского» — вышла к 180-летию русского путешественника.

Николай Пржевальский, выдающийся военный деятель, географ, ученый-натуралист, раскрыл множество тайн Центральной Азии. Вплетая каждую свою экспедицию в канву политической, дипломатической деятельности, Николай Михайлович привозил из путешествий багаж знаний, равный, по словам А.П. Чехова, «двум десяткам учебных заведений и сотне хороших книг». Собранные им данные оказались столь основательными и профессиональными, что, к примеру, картами, разработанными на их основе, пользовались вплоть до середины XX века, а выработанные им

В 2006 году в Москве в журнале «Дружба народов» был опубликован роман Ч. Айтматова «Когда падают горы» («Вечная невеста»). В центре произведения судьба независимого журналиста Арсена Саманчина, вращающегося в сложных перипетиях современности. В связи с появлением на свет очередного детища Айтматов высказался в «Комсомольской правде» по проблемам журналистики. Отвечая на вопрос о причинах, заставивших обратиться в своем романе взоры именно на нее, он сделал глубокое философское заключение: «Порой мне думается, что СМИ — это некая программа от Бога в нескончаемом познании нескончаемой человеческой сущности. Но это так, к слову. А вообще, журналист, безусловно, — это главный фигурант эпохи. Сейчас невозможно представить себе ни одного события в обществе без участия, точнее, соучастия, журналиста. Это фигура мирового масштаба — герой нашего времени, если хотите».

Чингиз Айтматов. Человек-Вселенная: Документально-биографическая монография/ Науч. ред. В.И. Нифадьев; авторы-составители: Л.И. Сумароков, О.Л. Сумарокова. — Бишкек: Изд-во КРСУ, 2018. — С. 40–41.

СУМАРОКОВ Леонид Иванович — сын фронтовика, по рождению — москвич, по жизни — кыргызстанец. В багаже потомственного военнослужащего — образование, полученное в военном училище, гражданском институте, военной академии. Его боевой путь от взвода до полка в судьбоносном 1991-м повернул в сторону границы и журналистики. Пограничная служба стала заметной вехой его жизни, отмеченной не только наградами, но и признанием в научном мире и в рядах пишущей братии.

Сегодня он, кандидат исторических наук и лауреат журналистской премии, заглядывает в историю Кыргызстана — объект своих творческих помыслов, надеясь в ней получить ответы на актуальные вопросы дня, и пишет о войне, пытаясь предупредить возможную новую, стремясь рассказать правду о ней и указать путь к победе. Ведь не допустить ее — это тоже победа!

правила разведрейда сохранили актуальность до наших дней.

Обе книги основаны на документальных материалах, многие из которых публикуются впервые.

— Соавтором этих книг выступил Ваш отец, Леонид Сумарок. Расскажите о нем.

— Для меня это идеал, к которому следует стремиться. Леонид Иванович — человек, посвятивший себя защите Отечества. Он служил в пограничных войсках, много времени отдав укреплению и охране советско-китайской границы. В завершение военной карьеры занялся научной деятельностью. Еще в годы службы окончил аспирантуру, создав хороший научный задел, основанный на богатом опыте, для своей дальнейшей деятельности. Сейчас занимает пост проректора по информации и связи с общественностью Кыргызско-Российского славянского университета. Он — автор крупных исследований в области военной истории. В настоящее время Леонид Иванович готовит новую книгу, посвященную депутатам Верховного совета Киргизской ССР — фронтовикам. Основная ее идея в том, чтобы показать обществу облеченных властью людей, которые в сложное для страны время принимают удар на себя.

— Ольга Леонидовна, а каковы Ваши творческие планы?

— Прежде всего — участие в выпуске третьей монографии серии «Евразийцы-созидатели», которая будет носить название «Великий русский кыргыз». Она посвящается 130-летию со дня рождения Константина Юдахина — создателя крупнейшего на сегодняшний день кыргызско-русского словаря и одного из авторов судьбоносного для Кыргызстана проекта по переводу кыргызской письменности на кириллицу.

Сейчас ведется много разговоров о том, что русский язык препятствовал развитию кыргызского, но своей работой мы в очередной раз хотим доказать, что это огромное заблуждение. Начиная с имперских времен, когда кыргызские племена приняли подданство «белого царя», их бесписьменный язык впервые стал объектом научного изучения в трудах российских исследователей, получив таким образом карт-бланш на развитие своей литературной формы. Эта добрая традиция была продолжена в советский период, когда в тесном взаимодействии российских и кыргызских ученых его литературная форма

Тема труда — главная в журналистском творчестве Айтматова. Он много ездит по региону. Листая «Правду», легко проследить маршруты его движения. Со строительства высокогорной автотрассы, соединившей Фрунзе и Ош, он писал: «Чтобы представить себе на минуту то, что совершили здесь строители, достаточно сопоставить, чем измеряется проделанная работа и какова длина туннеля: дневная выработка измеряется сантиметрами. Вот цифры из сводок: лучшая бригада проходчиков Маслобойщикова прошла за день 1 метр 11 сантиметров, а на следующий день 1 метр 14 сантиметров. А длина подземного пути 2,5 километра!»

Чингиз Айтматов. *Человек-Вселенная: Документально-биографическая монография*/ Науч. ред. В.И. Нифадьев; авторы-составители: Л.И. Сумарок, О.Л. Сумарокова. — Бишкек: Изд-во КРСУ, 2018. — С. 33.

оттачивалась и шлифовалась. В этом сложном фактически вековом процессе стандартизации и регламентации кыргызского языка русский выступал научным инструментом его изучения и описания. Рассуждая на эту тему, классик Чингиз Айтматов метафорически сравнил значение двух языков в судьбе своего народа с крыльями птицы. Лишившись одного из них, взлететь не удастся. Но о том, что статус русского языка как официального в Кыргызстане сохранится, на первом форуме ректоров высших учебных заведений Кыргызской Республики и России «Развитие науки и образования — инвестиции в будущее», прошедшем 27 марта этого года в Бишкеке, заявил и президент страны Сооронбай Жээнбеков.

— Деятельность Кыргызско-Российского славянского университета, где была издана серия, способствует развитию добрососедских межнациональных отношений в республике?

— Да, безусловно. Она направлена на то, чтобы объединить многонациональное кыргызское общество. Кроме того, университет предлагает конкретные программы, ориентированные на интеграцию в единое образовательное пространство всех стран ЕАЭС и заостренные на решение социально значимых проблем региона. В числе основных точек сосредоточения усилий университет выделяет: русский язык на пространстве Центральной Азии;

устойчивое экономическое развитие; малую энергетику и гидроэнергетику; современные технологии в образовании и науке; горную среду обитания и жизнедеятельность в ней человека; охрану генофонда, репродукцию и здоровье человека; региональный климат и водопользование. В частности, для меня как сотрудника Института стратегического анализа и прогноза при КРСУ основной интерес представляют вопросы межкультурного и межрелигиозного диалога.

— Какая религия близка Вам лично?

— Мой давний научный интерес — ислам, но по вероисповеданию я православная. Бывая в Москве, по возможности захожу в храм Святой Матроны. Кстати, напротив него стоит дом, где когда-то жила моя бабушка. Сейчас близких родственников в российской столице у нас не осталось, но на Таганке я бываю с удовольствием, для нашей семьи это сакральное место. **ВГ**

Беседовала Юлия БЕЛЕЦКАЯ

29 октября 1886 года вопреки обстоятельствам через перевал Бедель и ущелье Джуука путешественники благополучно вернулись в город Каракол, где Пржевальским была поставлена новая цель — доказать существование невероятного — донного города святых на дне озера Иссык-Куль — побратима русского Китежа. С этой историей связано одно из пророчеств в жизни путешественника.

Как правило, легенды гласили, что скрытые под покровами вод древние города доступны взорам особой категории людей — святых. Относился ли к их числу Пржевальский, сказать сложно. Тем не менее одно из его писем свидетельствует о том, что Иссык-Кульскую Атлантиду путешественник все же видел, и не раз, с места, указанного ему уйгурами-монахами, обитавшими в древнем монастыре неподалеку.

В определенное время — в середине июня, на закате, когда солнечные лучи падали на водную гладь под углом 45°, а вода становилась теплее воздуха, сменяя естественную голубизну на цвет парного молока, Николай Михайлович и его спутники отчетливо наблюдали руины некогда величественных построек, хрустальные купола высоких кубически очерченных строений и уцелевшие деревья под стать ископаемым земным.

Точные координаты обзорного места Пржевальским не раскрывались из опасений быть обвиненным в «болезненных озарениях и сказительстве», ведь фактическими доказательствами существования города он не обладал. Загоревшись намерением во что бы то ни было отыскать их, путешественник тут же получил от монахов предупреждение: «Можно видеть все, что угодно, да войти в город не удастся. А за попытку открыть врата придется расплатиться жизнью». Картограф экспедиции Пржевальского поручик И.А. Луковников, будучи свидетелем состоявшегося разговора, вспоминал, что Николай Михайлович будто бы возразил, что еще не настолько стар, чтобы думать о смерти. Монахи отвечали: «Человек умирает не когда старый, а когда спелый. Твое время, мудрейший, нам сдается, пришло». Пржевальский парировал: «Не отступимся. Будем искать. Найдем подводный город».

Сумароков Л.И., Сумарокова О.Л. Евразийские хроники Н.М. Пржевальского: Документально-биографическая монография. — Бишкек: Изд-во КРСУ, 2019. — С. 24–25.

«История границы — история моей семьи»

Далекий 1965 год стал для Анатолия Бейкуна точкой отсчета долгой службы на границе. Началась она в жаркой Туркмении, а закончилась на пропитанных прохладой берегах Балтики. Были в ней ответственная политрубота различного уровня, самый сложный отбор военнослужащих для охраны советских загранпредставительств, командировки в воюющий Афганистан и руководство отделом кадров Калининградской группы Пограничных войск Российской Федерации. Защите государственных рубежей он посвятил более трех десятилетий. Кочевую пограничную судьбу Анатолия Андреевича сполна разделила супруга. А вслед за ним в профессию пришли сыновья.

По материалам Пограничного управления
ФСБ России по Калининградской области

Периодические издания Книжно-журнального издательства «Граница»:

Журнал «Пограничник»

Ежемесячный иллюстрированный публицистический и литературно-художественный журнал публикует материалы о службе и жизни пограничников, сотрудников органов безопасности, о задержании нарушителей и боевых столкновениях. На его страницах вы найдете романы, повести, рассказы, очерки и воспоминания.

Оформить подписку на журнал «Пограничник» вы можете в следующих каталогах:

- Каталог «Почта России» «Подписные издания»: индекс П3790;
- Каталог Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы»: индекс 70767 (на полугодие), индекс 72384 (на год).

Телефон редакции: +7(495)929-16-82

Газета «Граница России»

Это издание для настоящих патриотов своего Отечества, охраняющих его покой на передовых рубежах, газета для читателей в погонах и без них, для молодых и зрелых пограничников, сотрудников органов безопасности, членов семей военнослужащих, для ветеранов войны и допризывной молодежи, жителей приграничья.

Оформить подписку на газету «Граница России» вы можете в следующих каталогах:

- Каталог «Почта России» «Подписные издания»: индекс П3789;
- Каталог Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы»: индекс 32224 (на полугодие), индекс 32545 (на год).

Телефон редакции: +7(495)929-16-62

Журнал «Вестник границы России»

Информационно-аналитический и методический журнал. Периодичность выхода — 6 раз в год. Журнал особенно внимателен к пропаганде и популяризации пограничных традиций, пограничной истории, духовного наследия войск.

Оформить подписку на журнал «Вестник границы России» вы можете в следующих каталогах:

- Каталог «Почта России» «Подписные издания»: индекс П3789;
- Каталог Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы»: индекс 45984 (на полугодие), индекс 80526 (на год).

Телефон редакции: +7(495)221-93-24, добавочный 50-84, 50-86

Журнал «Пограничник Содружества»

Информационно-аналитическое и военно-публицистическое издание. Периодичность выхода — 4 раза в год. На его страницах широко освещаются проблемы строительства, становления и развития национальных пограничных ведомств государств — участников СНГ, их оперативно-служебная деятельность, направленная на противодействие современным вызовам и угрозам на внешних границах стран Содружества.

Оформить подписку на журнал «Пограничник Содружества» вы можете в следующих каталогах:

- Каталог «Почта России» «Подписные издания»: индекс П3719;
- Каталог Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы»: индекс 72143 (на полугодие), индекс 45982 (на год).

Телефон редакции: +7(495)221-93-24, добавочный 50-66, 50-67

Журнал «Ветеран границы»

Приложение к журналу «Пограничник Содружества». Периодичность выхода — 4 раза в год. На его страницах широко освещаются проблемы ветеранского движения, опыт работы советов ветеранских организаций пограничных ведомств государств — участников СНГ, входящих в структуру Международного союза общественных объединений ветеранов (пенсионеров) пограничной службы. С помощью этого издания Вы можете разыскать своих друзей-сослуживцев, проживающих сегодня в странах ближнего зарубежья.

Оформить подписку на журнал «Ветеран границы» вы можете в следующих каталогах:

- Каталог «Почта России» «Подписные издания»: индекс П3791;
- Каталог Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы»: индекс 72144 (на полугодие), индекс 81924 (на год).

Телефон редакции: +7(495)221-93-24, добавочный 50-66, 50-67

Также на наши издания вы можете подписаться через электронные подписные каталоги:

«Почта России» — www.pochta.ru

«Урал-Пресс» — www.ural-press.ru

Для писем: 115093, г. Москва, а/я 4, Издательство «Граница»

Отделение реализации продукции: +7(495)929-16-47

E-mail: kvi3@fsb.ru

